

В поисках утраченного Ницше

Игорь Эбаноидзе

Ницше Фридрих.
Т. 6: *Сумерки идолов. Антихрист. Ессе homo. Дионисовы дифирамбы. Ницше contra Вагнер* // Полное собр. соч.: В 13 т. М.: Культурная Революция, 2009. 408 с.

Ницше Фридрих.
Т. 10: *Черновики и наброски 1882-1884 годов* // Полное собр. соч.: В 13 т. М.: Культурная Революция, 2010. 640 с.

«**Н**ицше, философ величайший, знаменитейший, громадного ума человек, говорит в своих сочинениях, будто фальшивые бумажки делать можно». Эта реплика из чеховского «Вишневого сада» прекрасно отражает одно исключительное свойство, которым Ницше обладает в глазах читающей публики: от него можно ждать каких угодно высказываний и по какому угодно поводу. И если в чеховские времена это могло объясняться загадочностью «иммориализма» для русской души вкупе с априорным почтением перед «знаменитейшим, громадного ума» немецким профессором, то теперь к этому прибавились еще и опыт рецепции — философской, культурологической, политической, какой угодно, — постоянная переоценка, которой подвергался Ницше в нашем общественном мнении и, конечно же, сведения о фальсификации, которую претерпели отдельные страницы его наследия. Все это вкупе с преимущественно афористичным и фрагментарным по форме характером этого наследия способно совершенно размыть парадигму собственно ницшевского философствования и сделать из него явление, выходящее за любые рамки, своего рода Пушкина, которого может поднимать на щит кто угодно (почвенник и западник, поклонник империи и либерал), у которого можно найти что угодно и которому в конечном счете что угодно можно приписать, поскольку это «наше

все». От людей, действительно начитанных, мне приходилось, например, слышать высказывания Ницше... о кинематографе. Доводилось встречать и людей, восхищавшихся «Рождением трагедии», но не читавших ничего кроме. Разумеется, и тех (и в немалом числе), кто полагает его фашистом. Но при этом слышать и мнение, что он просто радикальный либерал (едва ли не «демшиза»), который именно по этой причине ополчается на все традиционалистское. Любое из этих представлений (кроме, разве что, представления о Ницше-кинокритике) без особого труда находит свои доводы и тут же наталкивается на столь же веские контраргументы. Окончательно же поле битвы останется за тем, кто решится блефануть и с авторитетным видом заявить: «не было ни того ни другого, — все сфальсифицировано сестрой». Аргумент «ad Elisabeth» — диковинное, убойное оружие. Право же, не будь у этого философа сестры, ее следовало бы выдумать. Стоило бы поставить этой женщине памятник — за интригу, внесенную ею в историю философии. Ее достаточно скромных усилий по уничтожению нескольких десятков страниц и новой компиляции других десятков породило к жизни, с одной стороны, маниакальную подозрительность в отношении аутентичности позднего наследия философа, а с другой — несбыточную тоску по некоему иному и даже, быть может, лучше-му Ницше. Перефразируя поэта революции,

мог бы в этой связи заявить, что «лучшего Ницше не было и нет, готов читать до старости лет». Однако здесь я как раз покривил бы душой, поскольку характер творчества и самого философствования Ницше как раз таков, что оставляет *возможность* там, где прочая философия традиционно стремится к системности, к непроницаемой сетке и исключению *иной* возможности.

Если обратиться к конкретике фальсификаций, которым подвергла наследие философа Элизабет, то разговор ограничится следующим кругом текстов: 1) поздние произведения, которые Ницше не успел опубликовать до постигшей его в январе 1889 психической катастрофы — «Антихрист» и «Ессе homo»; 2) письма (эта проблема обошла русского читателя стороной, поскольку единственное на сегодняшний день русскоязычное издание¹ писем не опирается на подготовленные Элизабет компиляции); 3) черновики.

Ревизия «Антихриста» минимальна: в двух местах выпущено по одному слову, в третьем — три коротких предложения (в этом случае Элизабет решила поправить текстологическую ошибку Ницше, приписавшего одному евангельскому персонажу слова другого). Что же касается изменений в авторском тексте «Ессе homo», то здесь речь идет о целых главах, и число их в точности установить невозможно. Все это — последние варианты правки, отправленные Ницше в типографию 29 декабря, за десять дней до того, как философа доставят в базельскую психиатрическую клинику. Все эти варианты Элизабет попросту уничтожила, а вместо них опубликовала впоследствии более ранние авторские версии соответствующих мест.

Вот как Элизабет объясняет свой поступок в написанной ею биографии Ницше: «В ту пору он исписывал листы странными фантазиями, в которых сказания о Дионисе — Загрее были перемешаны с евангельскими страстями и реальными личностями знакомых ему современников: растерзанный своими врагами и возродившийся бог прогуливался вдоль берегов По и видел все, что он когда-то любил — свои идеалы, современные идеалы вообще, — где-то далеко внизу. Его друзья и близкие стали ему врагами, растерзавшими его. Эти листы направлены против Рихарда Вагнера, Шопенгауэра, Бисмарка, его ближайших друзей — профессора Овербека, Петера Гаста, — против фрау Козимы, моего мужа, моей матери и меня... Даже в этих заметках есть места пленительной красоты, но в целом их можно охарактеризовать как болезненный лихорадочный бред. В первые годы заболевания моего брата, когда мы еще питали ложную надежду, что он сможет снова стать здоровым, эти листы были по большей части уничтожены. Любящее сердце и хороший вкус моего брата были бы глубоко уязвлены, если бы подобные рукописи попались ему впоследствии на глаза»².

Мотивировка Элизабет довольно характерна,

N. Persebid
Königl. Sächf. Hof-Photograph etc.

Leipzig
Gellert-Strasse 2.

но я не буду подробно останавливаться на ней. Скажу лишь, что с точки зрения так называемого здравого смысла ее поступок не лишен оснований. Ведь история болезни начинается задним числом отбрасывать свою тень на творческое наследие. Разразившийся кризис — по сути лишь подказка, чтобы взглянуть на предшествующее под новым, критическим углом. А в этом предшествующем странностей было не счесть. Слишком долго и терпеливо относились мы к ним как к проявлениям твор-

Элизабет Ферстер-Ницше на пороге виллы Зильберблик — Архива Ницше в Веймаре

¹ Ницше Ф. *Письма*. М.: Культурная революция, 2007.

² Ницше Ф. *Полное собр. соч.* Т. 6. М., 2009. С. 376–377.

Игорь Эбаноидзе — окончил Литературный институт им. Горького, член Союза писателей Москвы, кандидат филологических наук. Переводил произведения Ницше, Томаса Манна, Августа фон Платена. Эссе и исследования, посвященные немецкой литературе и философии, публиковал в журналах «Новый мир», «Иностранная литература», «Дружба народов», «Вестнике Академии наук», в международном ежегоднике Nietzsche-Studien и др. Составитель и переводчик книги «Письма Фридриха Ницше». Главный редактор издательства «Культурная революция».

ческой индивидуальности. Ныне диагноз открывает глаза на то, что и раньше подсказывала интуиция. Печально, ужасно, конечно же, но зато наши взгляды на разумное и бессмысленное, здоровое и больное остаются неизблевыми. Надо лишь определиться, где, в какой момент, в каком тексте пролегла грань между «еще нормой» и «уже не нормой». Это я пытаюсь вообразить себе мысли Элизабет? Нет, это скорее пытаюсь поставить себя на ее место.

¹ Ницше Ф. *Письма*. М.: Культурная революция, 2007. С. 358.

Но один человек, как известно, никогда не бывает на месте другого.

...Итак, 29 декабря 1888 года. У нас нет человеческих свидетельств о том, каково было состояние Ницше в этот день. Однако сохранилось немало свидетельств его духовной деятельности, в частности письма. Например, такое: «Дорогой друг, Твое письмо меня не удивляет. Я никому не ставлю в упрек, если он не знает, кто я; никому этого знать не по силам. Хорошо бы я был, если бы испортил абсурдными притязаниями свои считанные человеческие связи. Ни единого мгновения своей жизни я не испытывал по отношению к Тебе не то что недоверия, но даже какого-либо недовольства; более того, ты один из очень немногих, кому я глубоко обязан. То, что я не человек, а судьба — не из тех чувств, которые можно передать. Ты не обязан мне верить в этом даже и сегодня; мне и самому верить в это с трудом. Мне хватает задора и язвительности, чтобы при случае посмеяться и над собой». Или: «Знаешь, во *внешнем* моем состоянии ничто уже не изменится в ближайшие годы, а возможно и никогда. Какой бы авторитет я ни снискал, я не откажусь ни от своих привычек, ни от своей комнаты за 25 франков. Придется привыкать к философу *такого* сорта»¹.

Это «болезненный лихорадочный бред»? Или это «инсайт», просветление, к какому человек может идти годами, как к своему пику, пусть даже за ним последует немедленное крушение в пропасть? Или же, ставя эти вопросы, мы находимся все еще под гипнозом имени «философа величайшего», «громаднейшего ума человека» (если вернуться к чеховской реплике), который может заявить даже, «будто фальшивые бумажки делать можно», а мы будем по-прежнему искать в этом сокровенный смысл?

В любом случае очевидно, что сколь бы близко ни соприкасалось безумие с духовной деятельностью, как бы ни пыталось пустить в ней свои ростки, оно не может быть одновременно и духовной деятельностью, а та не может быть безумием. Бред, клиническое сумасшествие неизбежно опознаются и ощущаются нами едва ли не на физиологическом уровне — именно как разрушение, зримое истлевание духовного. У Ницше это разрушение уже спустя несколько дней начинает проявляться внезапными обрывами логических связей, провалами грамматических конструкций фраз и даже полной беспомощностью в выборе эпитета (как вспоминает Овербек, приехавший за Ницше 7 января в Турин: «и тут он, несравненный мастер точных выражений, был не в состоянии передать свой радостный восторг иначе, как в тривиальнейших выражениях или же какими-то гротескными танцами и прыжками»). В то же время сама воля к оформлению законченного произведения, завершённая работа над новой редакцией текста, продолжавшаяся до 29 декабря, есть синоним здоровой духовной деятельности и антоним безумия. Ницше, создававший

последние редакции главок «Ессе homo», был столь же дееспособен, как Ван Гог, писавший «Ворон в пшеничном поле» и «Домики в Шапонвале» — свои последние полотна. То, что соломенные крыши домиков в Шапонвале рыжей лавой оплывают к земле, а бурные извивающиеся линии на поздних пейзажах словно бы отражают крайнее возбуждение психики Ван Гога, едва ли дает кому-либо право уничтожать эти произведения.

Чудовищность положения, в которое попал автор по имени Ницше, заключается в том, что за считанные дни начала 1889 года его ближайшее окружение меняет свой фокус восприятия этого автора и начинает смотреть на его духовную историю как на историю болезни. Особенно ярко и даже анекдотично проявляет себя в этом ученик и многолетний редактор Ницше Генрих Кезелиц. 4 января 1889 года в ответ на записку «Спой мне новую песню: мир просиял и небеса радуются. // Распятый» Кезелиц, даже ничего не заподозрив и как ни в чем не бывало, пишет бодрый и обстоятельный ответ¹. Но вот приходит известие о помрачении Ницше, и оптика меняется (тут, впрочем, временами ученик не верит своим глазам, новообретенный фокус то и дело размывается: «Я видел Н. в таких состояниях, когда мне с жутковатой отчетливостью казалось, будто он симулирует безумие»²). Спустя некоторое время, обнаружив рукопись одной из главок «Ессе homo», Кезелиц отправляет ее Элизабет как образчик «полнейшего безумия» Ницше, с советом поскорее сжечь, которому та охотно следует.

Однако перед этим он делает с этой рукописи собственноручную копию и надписывает ее: «Копия листа, который Ницше, уже в полном безумии, отправил Науманну <то есть в типографию> во время печати „Ессе homo“»³. Однако история духа и время находятся между собой в таком своеобразном отношении, что по прошествии некоторого его количества уже на историю болезни начинают смотреть как на часть духовной истории. И вот в один прекрасный день Кезелиц берет ластик и стирает написанные им слова «в полном безумии». В отместку ли Элизабет, о которой там нелицеприятная речь и с которой он тем временем сам успел рассориться? В силу ли изменения оптики и обретения объективного взгляда?

Так или иначе, но благодаря этой копии мы имеем единственный сохранившийся пример той последней правки в «Ессе homo», которую уничтожила Элизабет. На русском он опубликован в 2009 году в 6-м томе Полного собрания сочинений Ницше⁴. Это полноценный и типичный текст позднего Ницше. В нем нет ничего, что давало бы Элизабет право проводить водораздел между творчеством и болезнью (за исключением разве что последней фразы: «В тот момент, когда я это пишу, почта доставляет мне голову Диониса», которая словно бы венчает, на устрещающий манер, дионисийскую тему и саму творческую эволюцию Ницше).

То, что Элизабет с такой невинной прямоотой признается в сожжении рукописей, явно говорит о ее благих намерениях и ощущении полезности содеянного. Ограничься она этим,

¹ Там же. С. 362.

² Там же. С. 388.

³ Ницше Ф. *Полное собр. соч.* Т. 6. М., 2009. С. 378.

⁴ Ницше Ф. *Полное собр. соч.* Т. 6. М., 2009. С. 195–196.

Дом в Таутенбурге (в Тюрингском лесу), где Лу Саломе гостила у Ницше летом 1882 г.

ПУШКИН №3 2010

нам, возможно, следовало бы оставить женщину в покое, посетовав лишь, что она в своих родственниках не ведала что творила, проводя с помощью огня грань между большим и здоровым искусством. Однако на этом импульсивном (или обдуманном) поступке Элизабет не остановилась; по ходу знакомства с наследием брата у нее возникли сверхзадачи. Ницше становится классиком, следовательно у него должен иметься систематизирующий фундаментальный труд. Тем более что он одно время сам планировал такой труд под названием «Переоценка всех ценностей».

Однако отыскать его в наследии не удастся, есть только огромное количество планов, набросков, черновики. Следовательно надо воссоздать этот труд самой, и как можно скорее.

«Срочно необходимо, — пишет Элизабет в 1896 году подруге, — чтобы „Переоценка“ вышла в свет как можно раньше, как можно быстрее должно прозвучать завершающее слово в развитии моего брата: ибо все большую силу набирает заблуждение, будто мой брат сочинил лишь отрывочные философские фрагменты».

«Срочно» получается в итоге 10 лет спустя — выходит «Воля к власти». Ее тексты на девяносто с лишним процентов аутентичны. Оставшиеся проценты — это раздробленные на части или, наоборот, слитые воедино фрагменты, присочиненные заголовки, а также труднообъяснимые на первый взгляд упражнения по переписыванию текстов, которые едва ли можно назвать редактурой. Судите сами хотя бы по такому примеру. В одной из черновых записей Ницше было написано: «Скромный, прилежный, благожелательный, посредственный, миролюбивый и дружелюбный: вы хотите, чтобы человек был таким? Так вы представляете себе *доброто* человека? Но все, чего вы этим добьетесь, — всего лишь китаец будущего, „овечка Христова“, законченный социалист...». В «Воле к власти» это превращено в следующий афоризм (№ 356): «Скромным, прилежным, благожелательным, умеренным — таким вы хотели бы видеть человека? *Доброто человека?* Но мне он представляется только идеальным рабом, рабом будущего». Чего ради Элизабет меняет эти типично ницшевские метафоры и характеристики на «идеальных рабов» — этого мы установить не можем. Нам вообще-то не должно быть никакого дела до мотивов Элизабет, — ведь мы читаем Ницше. И число изменений, которым он здесь подвергся, отнюдь не таково, чтобы мы могли утверждать, будто это уже и не Ницше вовсе. И тем не менее в случае «Воли к власти» мы все равно имеем дело не с источником, а с интерпретацией. Эти тексты приходят к нам как бы через третьи руки — не только руки переводчика, но и руки интерпретатора. То есть как тексты, с позволения сказать, бывшие в употреблении. Если заняться отдельным анализом уже не текстов Ницше, а композиции «Воли к власти»,

то можно без труда понять, зачем Элизабет поменяла «китайцев» и «социалистов» на «рабов». Следующие по порядку (придуманному Элизабет) афоризмы начинаются со слов «рабство» и «раб». Вот сюда же «до кучи» и еще «рабов», пусть даже для этого требуется вписать это слово самой. И все ведь сделано с благой целью придания наследию Ницше имиджа целостности, систематичности. И не без успеха — так что некоторые философы¹, даже зная о фальсификациях в «Воле к власти», все равно отмечали достоинства ее тематической, едва ли не справочной структуры.

Я далек от того, чтобы делать из Элизабет роковую фигуру, непоправимо исказившую образ и наследие брата. Она оттягивает на себя непропорционально много внимания. В конечном счете Элизабет решала не научные, а прежде всего издательские задачи. Но решила их таким образом, что от наследия Ницше до сих пор никак не отстанет целый шлейф не созданных им произведений, состоящий притом из написанных им текстов. Помимо «Воли к власти», это сборник афоризмов «Злая мудрость» (тексты, датированные 1882–1885 годами, которые Ницше в итоге не оформил в отдельный труд и не включил в другие произведения), а также такие работы, как статья «О музыке и слове», — компиляция из большого чернового наброска (10 [1] по изданию Колли и Монтинари) начала 1871 года². Подобные издания по-прежнему выходят во всем мире, и с этим ничего не поделаешь. «Воля к власти» и «Злая мудрость» — раскрученные бренды, в отличие от безымянных и подчас обрывочных фрагментов. Когда более ста лет назад бывший сотрудник Архива Ницше Э. Хорнеффер выдвинул требование публикации в строго хронологическом порядке тех фрагментов, которые были включены в «Волю к власти», Кезелиц заметил: «Публике нельзя предложить издание подобного рода. Знатоков, которым оно могло бы доставить наслаждение, слишком мало». Одно издание для «знатоков», другое для профанов — в этом не было бы ничего особенного и неправильного, если бы эти издания были содержательно идентичны или существовали по крайней мере в равных весовых категориях. Но в данном случае «профан» получает в руки нечто более весомое, чем «знаток» — книгу, композицию, подобие системы. И Ницше, который и без того выглядит эксцентрично, поскольку, по его замечанию, «никто не знает, где мой центр», продолжает двоиться и троиться в общественном мнении.

Коль скоро новые переиздания компиляций неизбежны, они должны по крайней мере снабжаться научным комментарием, таблицей согласований с аутентичными фрагментами — инструментарием, который стягивал бы зазор между одним и «другим» Ницше. Однако большинство наших издателей слепо пользуются тем ницшеведческим арсеналом, который был

накоплен в России в начале XX столетия, и механически воспроизводят публикации, устаревшие как в научном, так и в языковом отношении. А иной раз уводят текст Ницше еще дальше от первоисточника. Так, в сборнике под названием «Размышления в домашнем халате» (анекдотичное название для книги Ницше, не правда ли?) издательство «Алгоритм» печатает «Фрагменты из статьи „О музыке и слове“, то есть абсолютно произвольную компиляцию из столь же произвольной компиляции, не сопроводив эту публикацию ни единым словом комментария.

Что будет с Ницше дальше, и каким он предстанет в глазах российской читающей публики в ближайшие десятилетия — даже после выхода Полного собрания сочинений, соответствующего максимально аутентичному на сегодня изданию под редакцией Дж. Колли и М. Монтинари — этого я предсказать не берусь. Ведь сам Ницше — это джинн, вырвавшийся однажды из академической бутылки, и засадить его обратно — пустая затея. Ницше затрагивает самое спорное, рискованное, пограничное. Он нужен и тем, кто любит самого этого мыслителя, его интеллектуальную честность, мужество духовного одиночества, радикальный аристократизм. И тем, для кого он — источник ярких, отточенных афоризмов. И тем, наконец, кто хочет идти дальше Ницше, для кого он — лишь отправная точка собствен-

ных построений и спекуляций, и кому, соответственно, не так уж важно, насколько аутентична «Воля к власти», что и как там сфальсифицировано и отредактировано.

С другой стороны, сколь бы добросовестны ни были все нынешние и будущие издатели Ницше, во что, признаюсь, верится с трудом, некоторые его (и не вполне его) тексты все равно продолжают свое существование призраков, бифурцируя между достоверностью, фальсификацией и мифом. В этой связи вспоминается стихотворение Ходасевича про зловещий «другой, другой автомобиль», оставляющий дыры и пустоты на своем маршруте: «Здесь мир стоял, простой и целый, // Но с той поры, как ездит тот, // В душе и в мире есть пробылы, // Как бы от пролитых кислот». Только вот является ли Ницше таким «простым и целым» миром? И кто тот роковой автомобиль — Элизабет, проехавшая по наследию брата? Двадцатый век, востребовавший не только это наследие, но и составленные на его основе книги-призраки? Или же таково само устройство наследия Ницше, что присутствующий в нем до самых подступов к безумию автор словно бы размывает собственную парадигму?

Последний вопрос скорее провокативен. Ведь в целом Ницше идейно и стилистически узнаваем, особенно когда похож в русском переводе на самого себя. Но это уже совсем другая проблема.

Фридрих Ницше с сестрой в Веймаре в последние годы своей жизни

ПУШКИН №3 2010

¹ В подобном ключе высказывался Карл Лёвиг. См. также: АЛЬФРЕД ВЕБЕР. *Кризис европейской культуры*. СПб., 1999. С. 472. Здесь же можно вспомнить, что и Мартин Хайдеггер, многократно цитируя № 617 из «Воли к власти», всякий раз выделяет курсивом, как чрезвычайно значимое указание, заголовки этого фрагмента — «Сводка сказанного», поставленный на самом деле Кезелицем.

² Ницше Ф. *Полное собр. соч.* Т. 7. М., 2007. С. 303–318.